

Независимая газета

Идеологические страдания

Постсоветская социально-политическая практика в поисках теории

2006-11-24 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Последний всплеск идеологической активности в кругах, близких к президентской администрации, связанный с идеей «суверенной демократии», говорит о росте ощущения властью своей «идеологической недостаточности». И это – совершенно естественно.

В России сложилась определенная социально-политическая система, эта система – относительно стабильна, существует логика действий наших президентов и преемственность этих действий, передача «эстафеты» от президента к обозначенному им преемнику. Но идеологические основания этой системы – довольно смутные. Можно ли вообще говорить о какой-то идеологии нашей власти?

Ни Ельцин, ни Путин сами – не идеологи, не «мыслители». По характеру своей прежней, допрезидентской деятельности они не могли много читать и думать над мировоззренческими проблемами. А когда стали президентами, времени на это совсем не осталось – им надо было постоянно решать конкретные и насущные проблемы управления страной и укрепления своей власти.

В этом они принципиально не отличаются от своих предшественников, которые после Ленина (может быть, отчасти, даже Сталина) над мировоззренческими вопросами задумывались мало. Но между коммунистическими и посткоммунистическими правителями – большая разница. Коммунисты принадлежали к организации, обладавшей догматической идеологией. Над этой идеологией, когда ее создавали «основоположники», они думали очень много. Поэтому позднейшие коммунисты уже могли не думать, а просто верить (более или менее искренне) в придуманное за них Марксом и Лениным. Ельцин и Путин такой организации и такой идеологии не имеют.

Но человек не может не осмыслять каким-то образом своей деятельности, не может вообще не иметь никаких идей. Полный «цинизм», чисто инструментальное отношение к идеям просто невозможны, это – романтическая выдумка.

Если человек – и не создатель идей, и не приверженец какой-то созданной другими идеологии, значит, он черпает идеи «из самой жизни», и его идеи – более или менее «как у всех». Идеи наших президентов, идеология нашей власти – это идеи массового сознания с их значительно большей, чем в идеологических системах, неопределенностью и эклектичностью, несколько модифицированные и структурированные специфической ситуацией, в которой они оказались, – ситуацией людей, олицетворяющих государство и им управляющих.

Идея из воздуха

Исходным моментом в идеологической эволюции нашей власти является провозглашение в 1991 году победившими демократами во главе с Ельциным идеологии демократии и рынка, подразумевающей отказ от прежней коммунистической системы и признание нормой социально-политического строя западных стран. Откуда взялась эта идея, как, например, произошли отказ от коммунизма и обращение в эту новую идеологию лидера демократов Ельцина (Путин прошел через такую же идейную метаморфозу, но он не был тогда публичной фигурой, и его обращение не могло иметь такого значения, как ельцинское)?

Идея эта не зародилась в сознании какого-то российского мыслителя и не развивалась, постепенно овладевая массами. Она взялась «из воздуха», и массовые обращения в нее происходили с удивительной легкостью и простотой. Ельцин, например, еще в 1988 году был ортодоксальным коммунистом, возражавшим против реабилитации Бухарина, а уже в 1989 году стал демократом и антикоммунистом. В его идеологической трансформации были личные и ситуативные моменты (крах партийной карьеры, обида на Горбачева), которые могли ускорить это обращение и придать ему специфическую окраску. Но ничего «особенного» в этом обращении не было.

На вопрос, был ли Ельцин искренним коммунистом, ответить невозможно – не потому, что нет данных, а в силу неопределенности самих понятий искренности и лицемерия. Очень уж искренних коммунистов к тому времени почти не осталось. Коммунистическая идеология превратилась в набор формул, утративших смысл, но необходимых для карьеры. Но когда человек говорил эти формулы, он не думал про себя: «Я говорю всю эту чепуху для денег и карьеры». Это была какая-то зона «полуверы-полулицемерия», в которой вместе с Ельциным пребывали миллионы. И как только стал очевиден кризис коммунизма и произнесение этих формул перестало быть необходимым, эти миллионы от них легко отказались. Также ничего особенного нет и в том, что отказ от марксизма-ленинизма означал переход именно к идеям демократии и рынка. Других серьезных идей просто не было ни в России, ни в мире в целом. Это в начале XX века существовали десятки разных социальных проектов, и люди должны были как-то размышлять, кто прав – марксисты или народники, и если марксисты, то кто из их многочисленных течений. К 1991 году демократия и рынок стали безусловной нормой не только развитого, но и вообще почти всего мира, и идеологии, предлагавшие какие-то альтернативные социальные проекты, практически исчезли. Правда, у нас существовала еще идеология православного монархизма, и Ельцин вроде бы какое-то время проявлял интерес к обществу «Память». Но это была явно маргинальная и «несерьезная» альтернатива. Для человека, отказавшегося от коммунизма, обращение к идеям демократии было, по сути дела, «автоматическим», ему просто не было куда еще «обращаться».

Как в идейной метаморфозе Ельцина не было ничего оригинального в российском контексте, так в ней не было ничего оригинального и в мировом контексте. Коммунизм развалился везде, и везде – от Праги до Душанбе – бывшие коммунисты примерно в одно время стали говорить, что коммунизм был заблуждением, а правильный путь – путь демократии и рынка.

Метаморфоза Ельцина – это вариант метаморфоз Шеварднадзе, Алиева, Снегура, Бразаускаса – перечислять можно до бесконечности.

Столкновение с реальностью

Идеология демократии и рынка победила поразительно легко и быстро. Разумеется, политика Ельцина и демократов встречала сопротивление, и слова «демократия» и «демократы» довольно быстро стали ругательными («дерьмократы»). Но никакой реальной альтернативы никто предложить не мог – ее вообще нет в современной культуре. КПРФ могла возмущаться разрушением СССР, грабительскими реформами и тысячами других вещей, но она не могла быть против свободных выборов, независимого суда и т.д., и даже не могла быть принципиально против рынка. А Жириновский – так просто назвал свою партию либерально-демократической.

Провозглашение демократии было предельно просто. Но реализация ее оказалась предельно сложной. В России, как и в большинстве постсоветских стран, не имевших достаточной культурной основы, демократия не получалась. Зато авторитарная система президентской власти выростала без особых усилий, сама собой. Идеология и реальность явно не соответствуют друг другу, и это несоответствие с каждым годом становится все больше.

Логически есть две возможности радикального разрешения этой коллизии. Первая возможность – привести реальность в соответствие с идеологией. То есть просто признать, что мы провозгласили демократию, и это очень правильно, а построить ее не смогли. Но это предполагает совершение действий, не очень ясно каких, но ясно, что противоречащих и естественным интересам власти, и привычкам народа. Кроме того, это – страшный удар по самолюбию и правящей группы, и общества в целом. Это означает признание твоей «недостаточности» и принятие ученической позы перед теми, у кого демократия давно уже получилась, чуть ли не «потерю суверенитета». Поэтому этот вариант можно считать исключенным для власти и – на обозримое время – для общества в целом.

Вторая возможность – наоборот, привести идеологию в соответствие с социальной реальностью, то есть найти открыто недемократическую идеологию. Вообще какие-то мечты о такой идеологии во власти, несомненно, присутствуют. Это видно и в ностальгическом пристрастии к монархической символике, и в относительно случайных высказываниях, вроде заявленного Путиным интереса к Ильину, который когда-то, живя в нацистском Берлине, восхищался гитлеровской «национальной революцией» и примеривал ее к будущей, освобожденной от коммунизма России. (Я совершенно не хочу сказать, что президент тайно симпатизирует фашизму. Ясно, что кто-то положил Путину на стол подборку приемлемых цитат, а неприемлемые, естественно, не клал. Но ясно и то, что тот, кто положил, понимал, что у президента есть неудовлетворенные идеологические потребности и что цитатами из либеральных мыслителей их не удовлетворишь.) Но этим смутным стремлениям к альтернативной идеологии так и суждено остаться стремлениями. Идеологию не создашь на пустом месте. Для создания марксизма-ленинизма нужны были Маркс и Ленин и вся грандиозная предшествующая им мыслительная работа – и во

всемирном масштабе, и в России. Ничего похожего нет и не предвидится. Поэтому пути смены идеологии практически тоже нет.

Как мы все знаем по себе, психологическая ситуация конфликта между принятой тобою нормой, изменить которую ты не в силах, и твоим реальным поведением, изменить которое ты тоже не в силах, – очень мучительная. Естественно возникают чувство «неполноценности», которое ты должен как-то подавить и компенсировать, ощущение тревоги, раздражение на тех, у кого таких конфликтов нет и кто соответствует норме. Все это есть и в нашей массовой психологии, и в психологии нашей власти, и в нашем поведении во внешней политике. Это проявляется в периодических вспышках всяких фобий, антиамериканских, антиукраинских, антиприбалтийских и прочих чувств как на массовом уровне, так и в высказываниях и действиях власти.

Мысль, которая рождается в ситуации, когда логичные решения проблемы неприемлемы, не может быть логической и последовательной, и ей остается очень немного путей – и очень сомнительных.

Можно попытаться просто снизить значение проблемы демократии, переключив внимание на что-то другое и компенсируя ощущение недостаточности в этом аспекте другими реальными или мнимыми достижениями. Да, демократии нет, но это не так уж и важно. Зато мы удвоим ВВП. Или же – зато у нас великие духовные традиции. Зато мы в 1613 году победили поляков, а в 1945-м – немцев. И т.д. Но ясно, что это – не решение проблемы.

Можно попытаться неприятную реальность отрицать. У нас – самая настоящая демократия. У нас – совершенно свободные выборы, полное разделение властей и т.д. Просто так получается, что оппозиция никогда не могла прийти к власти (уж больно плохая), а президент у нас – уж очень хороший и всеми любимый. Эту стратегию можно дополнить обвинениями в предвзятости демократических стран, сомневающих в нашей демократии или даже ее отрицающих. «Учитель ко мне придирается, у него любимчики, а меня он почему-то невзлюбил, вообще он русских не любит». Кроме того, можно попытаться всячески принизить чужие успехи и преувеличить чужие неудачи в построении демократии (в Прибалтике устраивают марши бывших фашистов, на Украине Майдан был организован на деньги не то олигархов, не то Запада, а такой демократии, как в Ираке, нам, ясное дело, не нужно).

Третий вариант – наиболее реалистичный. Да, у нас много несовершенства, но в западных странах демократия тоже создавалась веками. Когда-нибудь и мы придем к совершенной демократии. Это рассуждение – приемлемо, если говорить о российском обществе в целом и брать временной отрезок от Петра Первого до неизвестного будущего. Российское общество действительно проделало колоссальный путь, который в конечном счете ведет к демократии. Но рассуждение это абсолютно не приложимо к нашей государственной организации на постсоветском отрезке времени, поскольку она явно не эволюционирует в направлении демократии. Кроме того, этот ход мысли не снимает ощущения нашей недостаточности (может быть, и правда, что ты тоже сможешь сдать экзамен, но другие-то все уже давно

сдали) и проблемы «ученичества», отношения к «учителям» и «успешным ученикам».

Собственно, этими вариантами исчерпываются все идеологические ходы. Все они – естественны и одинаково приходят на ум многим: это очень простые ходы массового сознания.

Они не оригинальны, ибо все они присутствуют у всех стран в схожих ситуациях. Так, можно подобрать буквально десятки цитат из речей Назарбаева, Каримова, Ниязова, Акаева, Алиева, что США к демократии шли 200 лет (идея абсолютно ложная, но у центральноазиатских правителей очень популярная), «так что же они от нас хотят». И я уверен, что, если бы у Саддама Хусейна спросили, какой у него строй, он бы ответил – конечно, демократия, но очень суверенная. А Ниязов именно так и отвечает, у него даже есть свой Институт прав человека.

И как все эти рассуждения – примитивны, так они все – недостаточны, противоречат фактам и логике. Проблема нахождения идеологического обоснования и оправдания нашему теперешнему строю неразрешима.

Строй – внутренне противоречив, и его противоречия неустранимы.

Идейный фундамент его – непрочен.

Неизбежность нормы

В схожей ситуации, когда демократия провозглашена, но жить при ней не получается, находилось и находится громадное число стран. И все они мучились примерно теми же идейными проблемами. И постепенно, проходя через разнообразные кризисы, все большее число стран к демократии переходит. Пройдя через какие-то будущие кризисы, перейдем к ней и мы. Когда-нибудь русские люди все-таки начнут реально выбирать свою власть, им это понравится, и они к этому привыкнут.

Тогда реальность будет приведена в соответствие с нормой, и все возникающие из их несоответствия друг другу проблемы отпадут. Когда норма претворена в жизнь, о ней можно уже забыть и не думать. Ученик, которому никак не удастся овладеть нормой грамотного письма, может выдумывать всякие оправдания и строить разные идеологии, объясняющие и оправдывающие его безграмотность. Но когда он этой нормой овладел, когда экзамен уже позади, он перестает об этом думать. Он просто, когда ему нужно, пишет. А думает о чем-то другом, более важном и интересном. Как в нашей институциональной, социальной эволюции, так и в нашей идейной эволюции нет ничего особенно оригинального. Это модификация схемы, повторявшейся в разных странах едва ли не сотню раз.

Как очень большое число стран, мы мучаемся, потому что не можем жить так, как сами считаем нормальным и правильным. Поэтому нам надо что-то изобретать, искать какие-то идеологические ходы, позволяющие сохранить самоуважение. Но эти идеологические ходы – и слабы, и неоригинальны.

По-настоящему убедить нас они не могут.

От нормы все равно никуда не уйдешь. И раньше или позже мы к ней придем. А когда придем к норме, мы просто забудем о том, как мучились. В странах, построивших устойчивые демократии, демократия вообще перестает быть идеологической проблемой. Она становится нормальным и привычным образом жизни. Люди просто перестают о ней думать. Когда-нибудь перестанем и мы.

